

Марсель Эме

Из сб. "Рассказы франц. писателей"
М., Мир, 1964

ПОЛЬДЕВСКАЯ ЛЕГЕНДА

Пер. Т. Исаевой

Когда-то в городе Цетвертскесте жила старая барышня, по имени Маришелла Борбойе, справедливо снискавшая добрую славу набожностью и целомудрием. Она ежедневно выстаивала не менее одной обедни, причащалась два раза в неделю, щедро жертвовала на нужды церкви, вышивала воздухи и раздавала милостыню бедным благонравного поведения. Зимой и летом она неизменно носила черное платье, с мужчинами говорила лишь в случаях крайней необходимости, и то опустив глаза, а потому не внушала им дурных мыслей, вводивших в греховные соблазны и чуждых ей самой. И вот, как бы даруя этому ревностному сердцу возможность достигнуть совершенства и проявить чудеса милосердия, бог послал девице Борбойе большое горестное испытание.

Она с нежной неусыпной заботливостью воспитывала сиротку — племянника Бобисласа. Старая барышня прочила учтивого и многообещающего мальчика в нотариусы и, по своей простоте доверяясь репутации государственного лица, определила Бобисласа в это учебное заведение, где его очень скоро развратили. Изучение философии под руководством учителей-безбожников оказало на Бобисласа, как, увы, и на многих других, пагубное влияние. Познав подоплеку человеческих страстей, он, как нельзя лучше, усвоил их отрицательные стороны — стал курить, пить, поглядывать на женщин с похотливым огоньком в глазах. Но поскольку он никогда на старую барышню такими глазами не смотрел, а будучи во хмелю, не буйствовал,

она относилась к нему с излишней резкостью за счет веселого нрава, не подозревая, что племянник сбился с пути. Окончив лицей, Бобислас, чтобы попрактиковаться в своем ремесле, поступил в учение к нотариусу, жившему в городе Цвтертскесте; там-то и раскрылась вся гнусность его поведения. Однажды, когда нотариус в полдень ушел из дому, Бобислас похитил деньги из его несгораемого шкафа, обесчестил его жену и двух служанок, после чего вдобавок принудил этих женщин пойти с ним в трактир, где все они допьяна упились водкой и различными винами. По счастью, семь дочерей нотариуса в этот день отлучились из дому. Тем не менее урон, нанесенный Бобисласом, был достаточно чувствителен. Оскорбленный, обворованный супруг выгнал Бобисласа и пожаловался девице Борбойе.

Старая барышня, сердце которой было разбито вестью о ранней испорченности племянника, обратилась со своей печалью к богу и приняла смелое решение возвратитъ Бобисласа на стезю добродетели. Напрасные усилия! Переменив с десяток профессий и не преуспев ни в одной, презренный шалопай скатывался все ниже и ниже. В городе Цвтертскесте только и говорили, что о его разгульной жизни, оргиях, драках, о замужних женщинах и девушках, обещанных им, о шлюхах, с которыми он путался.

Целых пять лет, не теряя надежды на то, что племянник исправится, девица Борбойе не скупилась на добрые советы и деньги, но это, увы, не приносило плодов. Наконец она поняла, что ее щедрость только поддерживает Бобисласа во грехе, тогда как нужда, возможно, пойдет ему на пользу, и в один прекрасный вечер, когда племянник потребовал денег, она, набравшись смелости, ответила отказом.

Именно так обстояло дело, когда вспыхнула война. С незапамятных времен Польдевия враждовала с соседним государством — Моллетонией. Между двумя державами то и дело возникали разногласия, а договориться им было нелегко, ибо по-своему каждая из них была права. Положение и без того было весьма напряженным, когда немаловажный инцидент подлил масла в огонь. Маленький мальчик, подданный Моллетонии, беззастенчиво справил нужду на границе и, оросивши территорию Польдевии, вдобавок сардонически ухмыльнулся. Народ Польдевии не снес позора, была объявлена мобилизация.

Добрые горожане Цствертскста всполошились. Мужчины пошли защищать отчизну, женщины принялись вязать фуфайки. Девица Борбойе превзошла всех дам, смастерив фуфайку столь же густой вязки, сколь необъятных размеров. Она же, моля бога о победе польдевской армии, зажигала в церкви самые большие свечи. Бобислас, которому пошел двадцать восьмой год, сразу был зачислен в гусарский полк, стоявший на квартирах в городе Цствертсксте. Пылая отвагой, в своем доломане и меховом кольбаке, поскрипывая новенькой портупеей, бряцая четырехфутовой саблей, бившей его по икрам, он проникся сознанием своей исключительности и важности и возомнил себя храбрым защитником польдевской земли. Он еще и не нюхал пороху, война пока что оборачивалась для него только попойками, гульбой и кутежами, но, утверждая, что рано или поздно он сложит голову за добрых сограждан, Бобислас с каждым днем куражился над ними все больше. Не было в городе девушки, женщины, которую он не посмел бы оскорбить взглядом или прикосновением. Он преследовал и настигал их даже в церкви, даже под сенью домашнего очага, беззастенчиво запускал руку в кошельки запуганных отцов и мужей. Грабил прохожих на улице, заставляя их раскошелиться якобы ради защиты отечества. Девица Борбойе, до сих пор еще питавшая какую-то нежность к непутевому своему племяннику, отныне возненавидела его с пылом и рвением, на какие способна лишь добродетель перед лицом низменных пороков. Впрочем, эта ненависть, которую она считала одной из святейших своих обязанностей, не мешала нашему воину наносить тетушке визиты. Уже с угла улицы, на которой проживала старая барышня, он извещал о своем прибытии потоком кощунственной брани. Спотыкаясь, с грохотом волоча огромную саблю, задевая ею за мебель, он вместо приветствий изрыгал проклятия, икал, сквернословил и приказывал выкладывать денежки, да поживее! Если тетушка медлила, он до половины вытаскивал свою саблю из ножен и зачастую угрожал добродетельной деве, что разрубит ее надвое «до седла».

Наконец, после шести месяцев буянства и бражничания, гусара Бобисласа вместе с его боевым конем погрузили в вагон и отправили на поле брани. Добрые обыватели города Цствертскста облегченно вздохнули, и так велико было их ликование, что в день его отъезда незаме-

ченными прошли даже отличные вести с фронта. Что касается девицы Борбойе, она как бы вновь родилась для жизни благостной и светлой. Читая свои молитвы, она вновь обрела детскую безмятежность, а в ночных сновидениях ей слышался шорох ангельских крыл.

Полгода протекло со дня отъезда Бобисласа. Польдевская армия успела познать превратности военной судьбины, когда в городе Цвтертсксте вспыхнула эпидемия гриппа. Девица Борбойе одна из первых была поражена болезнью и встретила смертный час набожно и смиренно. Отказав имущество бедным своей округи и причастившись святых тайн, она умерла под утро в полном сознании и с именем божием на устах. Когда эта весть распространилась по городу, все единодушно сошлись на том, что старая барышня нынче же вечером будет ужинать с ангелами в раю.

Прибыв к райским вратам, девица Борбойе увидела странное зрелище и поначалу ничего не могла понять. Подступы к раю были запружены воинскими частями, шумно продвигавшимися между двумя рядами женщин и мужчин, которые, сидя или лежа на обочинах дороги, провожали солдат безнадежно-мрачными взглядами. Девица Борбойе бодро семеняла во фланге проходящей колонны, когда услышала, что ее окликают по имени. Повернув голову, она узнала среди людей, прикорнувших на дороге, нотариуса, чью жену некогда обесчестил Бобислас. Добряк, сошедший в могилу на две недели раньше девицы Борбойе, любезно поздоровался с ней, потом, иронически усмехнувшись, спросил, куда, собственно, она так спешит.

— Иду, — отвечала она, — держать ответ!

— Увы, — вздохнул нотариус, — для нас, для штатских, время держать ответ еще не наступило!

— Для вас, сударь, возможно, но что касается меня... Не вижу причин для задержки...

— Пораскиньте-ка умом и сразу все поймете! С тех пор как на границах Польдевии свирепствует война, здесь отдают предпочтение военным. Они проходят на небо безо всякой проверки, колоннами, по четыре человека в ряд, сколько бы ни грешили там внизу.

— Возможно ли? — пролепетала старая дева. — Но это ужасно!

— Видите ли, — сказал нотариус, — умершие за правое дело, безусловно, заслужили райское блаженство! Это полностью относится к нашим польдевским воинам. Они сражались за правое дело — с ними бог! Однако то же правило распространяется и на солдат Моллетонии... Правда, от нас это скрывали, но бог был и с ними тоже! Всех солдат, вместе взятых, великое множество, война же, боюсь, окончится не скоро. Сейчас воинская доблесть обеих сторон достигла высочайшего уровня, а генералы никогда еще не проявляли столько таланта. Трудно рассчитывать, чтобы нами, штатскими, занялись до конца войны. Хорошо еще, если наши досье не затеряются в этой суматохе.

Сначала девица Борбойе была удручена разоблачениями, которые сделал нотариус, но, поразмыслив, усомнилась в правдивости его слов. Конечно, при жизни его считали порядочным человеком, но он никогда не был ревностным христианином, а кроме того, прославился скупостью и чревоугодием. Не довольно ли этого, чтобы погубить душу?

Миновав обширную эспланату, пешие и конные солдаты, горланя песни, протискивались в сияющие райские врата.

Над вратами на облаке восседал святой Петр и вел подсчет колоннам. Девица Борбойе с безмятежностью, какую дает чистая совесть, пробралась на середину эспланаты. Навстречу ей пошел архангел и невыразимо сладостным голосом, прозвучавшим для нее райской музыкой, сказал:

— Давайте обратно, бабуса! Разве вы не знаете, что штатским вход на эспланату запрещен?

— Прекрасный ангел, вам, вероятно, неизвестно, кто я такая? Я Маришелла Борбойе из города Цвтертскста. Мне шестьдесят восемь лет, я еще девушка и всегда жила в страхе божьем. Мой духовник, кюре нашего прихода...

Простодушно выкладывая свои заслуги, взывая к снисходительности небесного судилища, она продолжала идти вперед, не слушая протестов архангела, тщетно пытавшегося перебить ее.

— Но я же сказал вам, что вход на эспланату...

— Начинала я свой день с ранней утрени, после завтрака читала благодарственную молитву, потом — в любую погоду — шла к обедне. После обедни молилась святому

Иосифу и святой деве. В десять часов — молитвы, положенные по четкам, за ними — глава из евангелия, а в полдень...

Невольно, несмотря на запрет, архангел наострил уши. Для этих небесных созданий нету ничего более захватывающего, нежели перечень богоугодных дел старой девы. Интерес, какой мы здесь, внизу, испытываем к романам Александра Дюма, не идет ни в какое сравнение с мучительно-сладким трепетом, овладевающим ангелами, когда праведники перечисляют им свои маленькие, но каждодневные усилия творить добро.

— Погодите, — сказал добрый ангел, — ваш случай представляется мне очень интересным, попытаюсь вам помочь!

Он проводил девицу Борбойе к подножию облака, на котором восседал святой Петр, взмахнул крылами, вспорхнул и стал что-то нашептывать в правое ухо достославному Ключарю. Святой Петр слушал его внимательно, в то же время не спуская глаз с вереницы проходящих солдат.

Дело уже почти было слажено. Ключарь милостиво соглашался принять девицу Борбойе как исключение, когда второй архангел, склонившись к левому его уху, сообщил, что на границах Польдевии началось большое весеннее наступление. Святой Петр сделал широкий жест, как бы отмечающий всех штатских, и снова принялся выкрикивать слова команды.

Оттесненная к прочим штатским на дорогу, откуда она пришла, девица Борбойе с отчаянием в сердце взирала на сомкнутый строй войсковых частей, теперь еще более многочисленных, чем прежде. Смешавшись, шли пехотинцы, стрелки, разведчики, канониры и драгуны. Разноголосый шум сопровождал наступательный марш этой огромной армии. Капралы выкрикивали команду, солдаты переругивались то между собой, то взвод со взводом, задирали штатских, приставали к женщинам и хором ревели непристойные песни (непременная принадлежность героических традиций). Временами возникали заторы, тогда нескончаемый людской поток приостанавливался. Колонны солдат напирала одна на другую, задержка вызывала беспорядок и бурю неистовых проклятий: артиллеристы поносили пе-

хотинцев, те в свою очередь отводили душу на гренадерах или драгунах. Оглушенная этим гамом, девица Борбойе готова была поверить, что она уже в аду. Одурев, брела она вдоль дороги, вернее, вдоль канавы, разыскивая среди оступевших штатских нотариуса или хоть кого-нибудь из знакомых, кто ободрил бы ее в столь тяжком испытании. То и дело навстречу ей летел град ругательств, исторгаемый сотней глоток. Наконец, усталая и отчаявшаяся, с лицом, залитым слезами, она присела на обочину дороги.

Пробка, образовавшаяся неподалеку от нее, остановила взвод гусар. Ими предводительствовал старый капитан, гордо везший под мышкой собственную голову в гусарском кольбаке. Он с трудом сдерживал нетерпение коня. Взбешенный длительной задержкой, он насадил свою голову на кончик сабли и высоко поднял ее, чтобы увидеть, что же происходит впереди.

Изошренная, оглушительная брань привлекла внимание старой девы.

— Тысяча чертей в ступе! — рычал седоусый капитан. — Свињи обозники прорвались вперед, обогнали гусар! Скажите на милость! Дармоеды! Лежебоки! Сидят на конях, как пешие жандармы! Плевали мы на этих райских обозников! Если так пойдет и дальше, придется уступать дорогу служащим газовой компании! Тысяча чертей Цвтертскста!

И все гусары, приподнявшись в стременах, заревели вслед за ним:

— Долой обозных крыс! Прочь, обозная сволочь! К черту, в ад всех обозников!

После чего столь же согласным хором затянули гимн, который воспевал гусарскую доблесть и начинался такими словами:

Когда гусары Цвтертскста
Приходят в гарнизон,
Все девушки Цвтертскста
Выходят на балкон...

Девица Борбойе не сомневалась, что перед нею гусары цвтертскстского гарнизона. И в самом деле, теперь она узнала седоусого капитана, ибо нередко видела, как он волочил по тротуарам города свою длинную саблю. Она даже вспомнила, что у капитана была любовница, безнравствен-

ная особа, которой он дарил меха и шелковые платья. Старая барышня содрогнулась при мысли, что двери рая открыты для человека, имевшего на земле любовницу; разглядывая строй гусар, она обнаружила еще несколько знакомых лиц и среди прочих — юного лейтенанта, смазливового, как девчонка. Там, внизу, он постоянно развлекался в обществе таких же смазливовых молодчиков, и о нем шла странная молва. Девушка Борбойе плохо разбиралась в подобных вещах, однако же понимала, что речь идет о чем-то предосудительном, ибо дамы при этом всегда понижали голос. И вот, смотрите, пожалуйста, дорога в рай открыта и ему!

Она продолжала разглядывать гусар, как вдруг из ее груди вырвался вопль ужаса и боли. Во всаднике, замыкавшем взвод гусар, она узнала повесу-племянника Бобисласа! Этот шалопай, лишенный сердца и чести, этот проходимец, цинично предававшийся самым низменным порокам, удостоен вознесения в рай, тогда как она, продавая долгие годы, возможно, вообще не попадет туда. Она подумала о своем смиренном, благочестивом житии, молитвах, богоугодных делах, и мятежное чувство, закрававшееся было в ее сердце, уступило место безнадежной скорби. Тем временем Бобислас увидел тетушку и пустил коня к обочине дороги.

— Эге! — сказал он. — Вот и наша гримза!..

«Гримза» — весьма непочтительное польдевское слово, буквально означающее старую... В устах Бобисласа оно звучало не без злорадства.

— Забавно, однако, что мы подошли в одно время, — продолжал он. — Как видите, я кончил не так плохо, как вы предрекали! На сей раз мое будущее обеспечено! Вы-то, кажется, не можете этим похвастаться? А?!

Не в силах вынести столь жестокой иронии, девушка Борбойе закрыла лицо руками и зарыдала. Тогда Бобислас смилостивился и добродушно добавил:

— Будет реветь! Я не такая скотина, каким кажусь! Попытаюсь выручить вас. Ну-ка, лезьте на мою лошадь!

Затрудняясь его понять, девушка Борбойе медлила, но колонна тронулась с места. Бобислас, нагнувшись, поднял старую барышню и посадил на круп коня, позади себя.

— Обнимите меня за талию, прижмитесь крепче, да не бойтесь показать свои ножки, они никого не ослепят, уверяю вас! Гм.. Кстати, что новенького в Цствертсксте?

— Умер нотариус, я только что встретила его здесь...

— Бедняга, ведь я обесчестил его жену. Помните?

Девушка Борбойе чувствовала себя крайне неловко и готова была просить Бобисласа, чтобы он спустил ее наземь. Старой барышне, лишь недавно причастившейся святых тайн, не положено сидеть верхом на лошади за спиной гусара, в строю потешающихся над нею молодцов. Но не только это угнетало ее. Когда позади целая жизнь, исполненная христианской добродетели, стыдно сознавать, что спасением души ты обязана негодяю, оскверненному всеми смертными грехами, и пробираться в рай путем уловок и хитростей. Мучительная мысль!

— Не пойман — не вор! — изрек Бобислас. — Прижмитесь покрепче!..

«Пути господни неисповедимы», — чуть-чуть лицемеря, утешала себя девушка Борбойе. Кони шли шагом, частые остановки усугубляли ее мучения. Наконец всадники заиграли марш гусар Цвтеркста, и седоусый капитан первым въехал под арку свода. Восседая на своем облаке, святой Петр бдительным оком надзирал за прохождением полка гусар.

— Сожмитесь в комок! — шепнул Бобислас.

Его указание были излишним. Съездившись от стыда и страха, девушка Борбойе в своем черном платье и без того походила на узел награбленного тряпья, забытого на конском крупе.

Конь Бобисласа уже переступил порог и просунул шею в рай, когда грозный голос, раздавшийся с облака, остановил движение.

— Эй, ты, там, гусар, стой! — крикнул святой Петр. — Что это еще за женщина у тебя за спиной?

Старая барышня от ужаса едва не свалилась с коня. Но гусар Бобислас, легко приподнявшись в стременах, непринужденным движением повернулся к святому Петру и, склонив голову в кольбаке, ответил мужественным, уверенным голосом:

— Да это же наша полковая шлюха!

— А!.. Ну ладно! Езжай!..

Девушка Борбойе проглотила страшное оскорбление вместе с подступившим к горлу рыданием, но секунду спустя уже не помнила о нем, ибо вошла в царствие небесное, где все земные мерилы навсегда утрачивают свое значение.